

Попова в том, что он при анализе необычных языковых фактов, зафиксированных в древних письменных источниках, исходит из выдвигаемых им предположений о праязыковом состоянии, «забывая то, каким путем добыты им эти сведения» [5, с. 97]. При этом, однако, Фортунатов не предлагает никаких собственных толкований для явлений, объясненных Поповым, практически отрицая как возможность дальней реконструкции, так и право исследователя использовать результаты этой реконструкции («теоретические конструкты» — см. [13, с. LXXXIII]) при интерпретации позднейших форм, не укладывающихся в рамки традиционных теорий (о соотношении собственно реконструкции и диахронической интерпретации см. [19]). На деле скептицизм Фортунатова привел впоследствии к агностическому отказу от какой бы то ни было синтаксической реконструкции, даже путем сравнения архаичных славянских и аналогичных литовских форм, так как в отношении последних «не было никакой уверенности», что они отражают «особенности прабалтийского языка» [8, с. 3—4]. Однако само понятие «уверенности», на наш взгляд, не применимо к сведениям, полученным не экспериментальным путем. Исходя из подобной точки зрения, следовало бы вообще отказаться от попыток реконструкции праиндоевропейской языковой системы, поскольку ни в области фонетики, ни в области морфологии ни один индоевропейский язык не сохранил праязыковых особенностей «в чистом виде».

Далее рецензент отказывается в праве именоваться даже гипотезами тем положениям А. В. Попова, которые базируются на исследованиях Г. Курциуса и Т. Бенфея и касаются происхождения и соотношения именительной, винительной и звательной форм. Ф. Ф. Фортунатов опровергает мнение Курциуса о первичности формы на *-m по сравнению с формой на *-s, опирающееся на существование индоиранских номинативов типа др.-инд. *āham* = авест. *azem*, *vayam* = *vaēm* и т. п. (с критикой этого положения еще раньше выступил В. И. Шерцль [20]). Фортунатов считает -am «приставкою, образовавшеюся в индоиранском праязыке», и возражает против переноса ее в индоевропейский праязык; общеиндоевропейской формой местоимения 1-го лица являлась, как он полагает, *^eya^o или *^eya^o [5, с. 102]. Попутно он рассматривает вопрос о происхождении личного окончания 1-го лица глаголов типа *fero*, возводя его к индоевропейскому *-ān или *ā* (носовому). С современной точки зрения эти построения, занимающие в рецензии весьма много места, оказываются совершенно неосновательными; так, древнейшей формой местоимения 1-го лица сейчас признается **eg(h)om*, причем более древним элементом представляется именно *-om [21] (иная точка зрения — [13, с. 383]); в качестве флексии 1 л. ед. ч. тематического презенса реконструируется *-loH [13, с. 329]. Вывод, формулируемый Фортунатовым в результате его морфологических и фонетических изысканий, утверждает полную несостоятельность «гипотезы Попова» (на самом деле — Курциуса) о взаимном отношении по происхождению суффиксов именительного и винительного падежей «с теми следствиями, какие он отсюда выводит» [5, с. 106] (здесь и далее курсив наш. — В. К.)

Очевидно, однако, что сам Попов не придавал гипотезе Курциуса столь принципиального значения для всего проведенного им исследования, какое пытался приписать ей рецензент. Позволим себе процитировать заключение к I главе монографии: «Первоначально падеж с формой винительного имел все рассмотренные здесь функции (не исключая и подлежащего). Когда к винительному прибавился еще именительный, то падеж этот, не имея строго определенного значения („различие в употреблении обоих суффиксов очевидно устанавливалось только постепенно“¹...), принял на себя те же функции, что и винительный; таким образом явились многочислен-

¹ См. [11, с. 251]; ср. современную концепцию «древнейшего состояния индоевропейской системы с двумя основными именными образованиями, оформившимися впоследствии в качестве субъектного и общеобъектного падежей, выражавших все основные синтаксические отношения при предикативной форме» [13, с. 286].